

Черт не стеснен временем и пространством, хотя излюбленное чертовское время — полночь, а место — болота, омуты, заросли, и т. п., но уже леший ограничен лесом, водяной — водными пространствами, домовый — домом, а русалка — водой или лесом, или хлебной нивой. Во многих местах русалка появляется лишь в определенные сезоны, с чем связан и обычай проводов русалки и некоторые ее местные названия, например, калужское *святочница* (стр. 84). Это название особенно интересно потому, что указывает, видимо, на время появления русалок — водных дев и соотносится с другими сезонными водными духами, севернорусскими «шуликунами», действующими также во время святок¹⁰. Святки самое «опасное», самое «бесовское» время; у сербов и болгар они называются некрещеными или погаными днями (*некрштени дани*, *погани дни*). Подобно тому как в годичном цикле нечистые появляются или особенно бесчинствуют почти две недели зимой («святки») и один день летом (Иван Купала, реже Петр и Павел), в цикле суток опасным и бесовским ночью оказывается время от полуночи до петухов (в Полесье оно называется *глушица*, в Сербии — *глуво доба*), а днем мгновение полдня (отсюда и русская *полудница*). Таким образом, демонологические представления связаны с календарной обрядностью и цикличностью годового и суточного круга.

Отрадно, что книга Э. В. Померанцевой «Мифологические персонажи в русском фольклоре» — только часть ее более обширного замысла, исследования о русских мифологических персонажах. Мы ожидаем ее новых работ о полуднице и о всей прочей «нечисти», которая четко сохранила почти до наших дней черты древнеславянского, древнерусского язычества, неразрывно связанного с живой природой и с народно-поэтическим ее восприятием и потому так ярко отразилась в русской литературе, живописи и музыке.

Н. И. Толстой

¹⁰ Д. К. Зеленин в упомянутой выше работе не приводит быличек о шаликунах, в то время как записи последних лет показывают, что они существуют и содержание их любопытно.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Н. Н. Грацианская. Этнографические группы Моравии. М., 1975, 173 с. и 32 илл.

Появление книги Н. Н. Грацианской «Этнографические группы Моравии» — отрадное явление в нашей этнографической литературе прежде всего потому, что это одно из немногих исследований о западнославянских народах на русском языке. Если не считать сборников статей по западноевропейской этнографии, соответствующих томов серии «Народы мира», интересной монографии О. А. Ганцкой «Народное искусство Польши» (М., 1970) и отдельных статей, то за последние десятилетия работа Н. Н. Грацианской едва ли не первая книга советского автора, посвященная специально этнографии западнославянского народа. Если исследователи-слависты имеют возможность читать необходимую литературу на славянских языках, то для широкого круга читателей, интересующихся историей, культурой и бытом славянских народов, работа Н. Н. Грацианской, написанная с учетом последних исследований по широкому кругу этнокультурных проблем, действительно отрадное явление.

Объем книги сравнительно небольшой, но автору удалось с достаточной полнотой показать не только характерные черты культурно-бытового облика каждой из этнографических групп Моравии, но и глубоко осветить проблемы истории их формирования. Книга содержит обширную и очень концентрированную информацию по затронутым темам, как специально этнографическую, так и по всему комплексу наук, на которые опирается этнография в изучении этнической истории, — археологии, политической и социально-экономической истории, лингвистике и др. Обширен круг литературы и источников, на которые ссылается Н. Н. Грацианская. И, как уже отмечалось, очень редки в этом списке работы на русском языке.

Композиция книги внешне достаточно традиционна. Введение в очень сжатом очерке знакомит читателя с теоретическими проблемами исследования этнографических групп и историй их изучения по Моравии. Две первые главы представляют собой своеобразное историко-этнографическое введение к изложению основного материала. Первая глава посвящена истории страны и историческим судьбам Моравской области, а вторая — моравским диалектам и самим этнографическим группам. Здесь автор стремится не только показать суть этой общности, но и выявить закономерности образования каждой из них. В последующих главах дано конкретное описание каждой из этнографических групп Моравии (гл. III — «Ганаки», гл. IV — «Моравские валахи», гл. V — «Моравские словаки»). В Заключении Н. Н. Грацианская подводит некоторые итоги своего исследования.

Главное внимание в книге уделено изучению этнографических групп как историко-этнографического явления. Автор выясняет, когда и при каких условиях они появились, как изменились, каковы их особенности во всех областях жизни, от хозяйства до обрядов и народного творчества, каково их современное состояние. Н. Н. Грацианская не торопится давать прогнозы о будущем данных этнографических групп, но весь материал ее книги, все изложенные факты подводят читателя к решению этого вопроса. Как видим, внутренняя, смысловая композиция книги подчинена решению проблем и закономерностей этнической истории на примере населения Моравии. В этом плане в книге решаются значительно более широкие задачи по сравнению с теми, которые определены ее названием. Практически здесь дан краткий очерк этнической истории Моравии, а не просто описание этнографических групп ее населения. Но и задачам изучения собственно этнографических групп автор уделяет достаточно много внимания.

Исследование Н. Н. Грацианской отличает подлинный историзм, особенно в изложении истории формирования самих этнографических групп населения Моравии. Это проявляется не только в историческом очерке в I главе. Во всех главах автор старается дать материал в историческом аспекте, показать процесс формирования населения данной области, данной группы, выявить конкретно-исторические причины тех или иных переселений, смешений, объединений, слияний. Особенно показателен в этом отношении исторический очерк валашской проблемы, содержащийся в IV главе. Хотя композиционно это можно было бы считать нарушением общей структуры книги (повторение исторического очерка отдельно по валахам Моравии), но сама эта группа, и теоретические споры вокруг «валашского вопроса», и хозяйственно-культурное своеобразие горных скотоводов — все это вполне оправдывает специальное рассмотрение их истории.

Иначе излагаются сведения по каждой из этнографических групп Моравии. Со стремлением к историзму в анализе формирования населения групп несколько диссоциирует статичность в описании их культуры. Нельзя упрекнуть автора в забвении историзма и здесь — насколько позволяют ей источники и место, Н. Н. Грацианская рассказывает об изменениях в культуре населения, обращая внимание на то, как бытуют особенности культуры в наше время. Но думается, что автор невольно поддавался влиянию той массы описательных рабств, которые были характерны для традиционной чешской этнографии в прошлом. Типы поселений, жилищ, характер хозяйства и других занятий, комплексы одежды и обряды — все это исторически изменчиво, и процесс развития этих сторон культуры состоял отнюдь не только в смешениях и заимствованиях или влиянии города, но и в неизбежном внутреннем развитии самих этих явлений, причем отдельные элементы культуры оказывались более стабильными, традиционными, другие менее устойчивыми, более подверженными изменениям, да и влияниям. Только при тщательном анализе конкретной истории развития этнографических особенностей культуры они могут быть использованы и как источник по этнической истории, в данном случае по истории формирования этнографических групп Моравии.

Думается, что Н. Н. Грацианская должна была отметить известную стабильность картины, рисуемую по работам чешских этнографов, выразить к этому свое отношение.

В книге подчеркивается и прямыми заявлениями, и всем ходом изложения фактов, что этнографические группы Моравии — явление сравнительно позднее, что никакого или, точнее, почти никакого отношения к древним племенным группам такие подразделения не имеют. Уже в главе II мы читаем: «По всей вероятности, к феодальному периоду можно отнести и начало возникновения моравских этнографических групп» (стр. 37). Далее говорится, что, кроме двух хозяйственно-географических групп населения — ганаков и валахов, все другие «наименования областных подразделений Моравии, встречающиеся в старых источниках, носят главным образом характер географический», «встречаются они периодически» и границы их неустойчивы и неточны (стр. 41). Здесь же Н. Н. Грацианская приводит убедительные данные чешских исследователей о позднем появлении термина «моравские словаки», считая, что он заимствован из научной литературы. В том же плане рассматривает она и появление в Моравии «валашской» группы, считая, что как само заселение, так и формирование этнографической группы, которую называют теперь моравскими валахами, происходит в XVI—XVII вв. Излагая взгляды И. Мацурека, автор раскрывает перед читателем механизм формирования этой этнографической группы, подчеркивая роль конкретно-исторических условий на разных этапах формирования моравских валахов. Эти страницы в книге Н. Н. Грацианской читаются с особым интересом, так как раскрывают перед читателем живую историю жизни людей, с их интересами, реальными житейскими заботами, их стремление лучше устроить свою жизнь, что и приводило к переселениям, изменениям сословного состояния и, в конечном итоге, было причиной того, что весьма пестрое по истокам население объединилось в группу современных моравских валахов.

Н. Н. Грацианская подчеркивает и то, что главную роль в формировании группы моравских валахов сыграла определенная специфика их хозяйства. Специализированное скотоводство альпийского типа, хотя и уравновешенное к XIX в. развитием земледелия, способствовало обособлению населения этого района в конкретных исторических условиях. Не случайно автор столь подробно описывает скотоводческое хозяйство валахов, его технологию и производственную организацию. И хотя решение таких общих проблем, как соотношение двух хозяйственных систем — земледелия и скотоводства, или валашская проблема, выходит за рамки темы книги Н. Н. Грацианской (что она и отмечает), автору удалось дать читателю ясное общее представление о сути этой проблема-

тики. Н. Н. Грацианская вполне обоснованно подчеркивает принципиальное различие между романской терминологией в скотоводстве и румынским языком. Сложение румынской нации, как и многих других,— процесс сравнительно поздний, и в составе румынской нации валахи лишь один из многих компонентов.

Думается, что, говоря о валашском скотоводстве, нужно иметь в виду одно важное обстоятельство: скотоводство в истории хозяйства нигде не выступает как исключительная отрасль. Весьма возможно, что уже в начальном периоде появления валахов они наряду со скотоводством и сопутствовавшими ему охотой и собирательством занимались в той или иной степени и земледелием. Поэтому развитие земледелия у валахов Моравии в XIX в. могло быть результатом не только влияния тех групп населения, которые вышли из преимущественно сельскохозяйственных районов, но и продолжением и развитием традиций самих скотоводческих групп.

Нельзя не согласиться с основной генеральной мыслью Н. Н. Грацианской, что те этнографические группы, которые нам известны в Моравии XIX в.— результат сравнительно поздних процессов. Опираясь на исследования чешских этнографов и историков, она это доказывает очень убедительно. Но взятые ею группы моравского населения численно достаточно велики (к сожалению, в книге данные о численности каждой из групп не приведены). Естественно, что такие группы и не могли уже в силу своих размеров быть «наследниками» племенных подразделений. Но говоря о таких крупных группах, Н. Н. Грацианская лишь вскользь перечисляет деление их на более мелкие единицы. Конечно, среди таких групп были и формирования позднего происхождения, связанные с миграциями в эпоху феодализма. Но, видимо, в их число входят и локальные группы населения, тесно связанные с древними племенными подразделениями. Учитывая это, стоит обратить внимание на анализ характера названий. Более тщательное археологическое обследование позволит в будущем выделить районы более древнего заселения и более конкретную историю расселения в феодальное время. Конечно, и тогда — и в этом основная мысль Н. Н. Грацианской останется правильной — мы не сможем выявить «чистых потомков» того или иного племени, ибо процессы позднейших смещений сыграли большую роль; однако сам ход такого смещения станет более очевидным.

Выводы Н. Н. Грацианской о позднем происхождении этнографических подразделений Моравии, о большой роли в их формировании социально-экономических процессов, сословного деления и других подобных факторов имеют значение и для изучения других славянских (и неславянских) народов, среди которых легко можно найти аналогичные примеры (казачество, поморы, староверы у русских, русины на Украине и др.). Внимательное изучение истории этих групп неизбежно приводит к сходным выводам.

Более сложная задача стояла перед Н. Н. Грацианской, когда она в соответствующих главах давала очерки культуры рассматриваемых групп. Уже в обзоре литературы она отмечает, что выделены эти группы по особенностям культуры. Автор в этих очерках последовательно излагает наиболее существенные сведения о хозяйстве, поселениях и жилище, одежде, пище, общественных отношениях в пределах сельских общин, семейных и календарных обрядах, народном творчестве. Позитивное значение таких очерков трудно переоценить, имея в виду бедность нашей литературы о западнославянских народах на русском языке. Очерки хотя и суммируют в известной степени имеющиеся сведения, но отличаются достаточной полнотой по каждому из разделов. Нескольким больше освещены обряды и фольклор, несколько суше изложены разделы о хозяйстве (за исключением валашского скотоводства). Внешне создается впечатление определенных комплексов культуры у каждой из этнографических групп. Но только внешне.

Проблема соотношения различных особенностей культуры у тех или иных этнических групп и этнографических подразделений изучена явно недостаточно как в теоретическом, так и в историческом планах. Н. Н. Грацианская в Заклучении исходит из того, что и сами этнографические группы Моравии, и выделенные ею особенности культуры этих групп, объединенные в комплексы,— явление сравнительно позднее: «Все имеющиеся в нашем распоряжении источники говорят о позднем происхождении этнографических групп Моравии...» (стр. 169). «Позднее обособление этнографических групп подтверждается и сравнительным анализом их материальной и духовной культуры» (стр. 170). И хотя ареалы отдельных элементов культуры, по мнению автора, «чаще всего не совпадают с границами расселения отдельных этнографических групп» (стр. 172), «каждая из моравских этнографических групп характеризуется неповторимым, только ей одной свойственным целостным культурным комплексом» (там же).

Вопросы, затронутые Н. Н. Грацианской в этих разделах книги, по-видимому, требуют более осторожного и дифференцированного анализа. Автор подчеркивает, что решающая роль в обособлении локальных черт лежит в специфике «экологических условий и форм хозяйства» (стр. 170), и в то же время основную «этническую нагрузку», по ее мнению, «несут связанные с эстетической сферой элементы — орнаменты росписей и вышивок, расцветка и украшения составных частей одежды и т. п.» (стр. 172). Вряд ли такое решение можно признать последовательным. Скорее можно согласиться с другим положением Н. Н. Грацианской, которое она высказывает достаточно определенно как в отдельных главах, так и в Заклучении. «В развитии этнографических групп Моравии большую роль играла и продолжает играть местная интеллигенция»; «в конце XIX и начале XX в. в условиях ширившегося национального движения вместе с усилением общечешского национального сознания росло и нередко искусственно подогревалось самосознание региональное» (стр. 173). Из такого понимания более последовательно выте-

кает значительная роль локальных особенностей именно в эстетической сфере. Книгу Н. Н. Грацианской отличает последовательный исторический подход к изучению фактов, однако при обзоре составных частей комплексов культуры каждой этнографической группы этот принцип проявляется много слабее.

Выделенные автором комплексы возникли не на пустом месте, им предшествовали длительные традиции в истории культуры крестьянства. Что-то из этих традиций впитали в себя и комплексы, описанные Н. Н. Грацианской. И необходимо подчеркнуть, что степень устойчивости таких традиций оказалась различной в разных явлениях культуры. Вряд ли можно согласиться с общим подходом автора при моделировании целостных культурных комплексов. Ведь многие составные части таких комплексов, что признает и сама Н. Н. Грацианская, происходят из других ареалов, а я бы добавил, что корни их уходят в иные хронологические периоды. Трудно согласиться с автором и в том, что «локальные различия в народной одежде этнографических групп Моравии не были существенны вплоть до XVIII в.» (стр. 171). То, что такие различия бывают нам плохо известны из-за недостатка материалов, вовсе не дает права отрицать полностью их бытование в прошлом. Как сходство в покроях рубаш старинных типов, так и четкие различия в особенностях головных обрядовых уборов и т. п., деталях обрядов, различия в орнаментальных мотивах и их сочетаниях — все это оставляет этнографу надежду найти те или иные соответствия между особенностями культуры крестьян XIX в. и древними племенными подразделениями или общностями иного типа, как более широкого, так и более узкого порядка. Книга Н. Н. Грацианской таких задач не ставит. Но хотелось бы возразить и против некоторой излишней категоричности, когда подобные вопросы затрагиваются попутно. Имеющиеся материалы по польской и восточнославянской этнографии как будто подсказывают совсем иное отношение к подобным явлениям, подчеркивая достаточно определенные различия в традиционном крестьянском костюме в прошлом. Об этом же можно судить и по археологическим данным — этнодифференцирующая роль женских украшений доказана на восточнославянских материалах достаточно убедительно.

Н. Н. Грацианская стремится проследить и современное бытование местных традиций рассматриваемых ею этнографических групп, отмечая ту или иную степень их сохранения, но не оценивая сами факты. Такая позиция, учитывая общие задачи книги, видимо, справедлива, хотя читатель невольно задумывается, насколько правомерно сохранение всех или части таких особенностей культуры, пусть и в преобразованном виде, в современную индустриальную эпоху. Проблема эта далека от простого и однозначного решения. По-видимому, правильная оценка подобных «реликтов» должна быть основана на определении их роли во всей совокупности современной культурной жизни населения, куда войдут и современный образ жизни, и современное образование, идеология, театр, радио, телевидение и т. п. Рассматривать эти сохранившиеся или сохраняемые традиции изолированно, в отрыве от всей современной жизни населения было бы неверно.

В книге Н. Н. Грацианской, написанной очень компактно, читатель найдет и много других интересных сюжетов и проблем, над которыми стоит задуматься. Познавательная ее ценность очень значительна. Теоретическая заслуга автора, на мой взгляд, прежде всего в том, что на обширном, хорошо подобранном материале она показала историческую изменчивость и обусловленность таких понятий, как этнографическая группа. Автор не касается этой проблемы специально, но весь ход изложения показывает, что чешская нация, как и все другие нации, складывалась из разных компонентов в ходе длительного исторического процесса, что реальные отношения социально-экономического характера в этом процессе в конечном счете играли решающую роль, объединяя людей в общности нового типа. Объединения типа этнографических групп Моравии были своеобразными этапами, ступенями общего процесса национального объединения.

Г. Г. Громов